

У НИКИТСКИХ ВОРОТ

литературно-художественный альманах

№ 1⁽²⁰¹⁷⁾

Наталья Воробьева
Алесь Кожедуб
Виктор Пронин
Игорь Черницкий
Максим Замшев
Анатолий Пшеничный
Вилен Иванов
Любовь Турбина...

>> Юрий Поляков
«Золото партии»

Альманах
У Никитских ворот.
Литературно-художественный
альманах №2(2) 2017 г.

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36267528

У Никитских ворот. Литературно-художественный альманах №2(2)

2017 г.: НПО «У Никитских ворот»; М.; 2017

ISBN 978-5-91366-741-0

Аннотация

«Четыре года – большой перерыв для литературного издания. С 2013, когда вышел последний номер нашего альманаха, многое изменилось и в обществе, и в литературной жизни: конфликт на Украине, Крым, Донбасс, санкции, в некоторых странах даже успели смениться президенты... В нашей стране прошли друг за другом Год культуры, Год литературы, Год кино, оставив по себе много противоречивых впечатлений и мало собственно культуры, кино и литературы. Хотя есть и положительные результаты: книжный фестиваль «Красная площадь», например, стартовавший в 2015 году, теперь ежегодно радует российских писателей, издателей и читателей. Проект действительно грандиозный...»

Содержание

Прозаические меридианы	7
Наталья Воробьева, Луко Палетак	7
Ирина Иванцова	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Альманах
У Никитских ворот.
Литературно-
художественный
альманах № 2(2) 2017 г

© Коллектив авторов, 2017

© НПО «У Никитских ворот», 2017

© МГО СПР России, 2017

* * *

Четыре года – большой перерыв для литературного издания. С 2013, когда вышел последний номер нашего альманаха, многое изменилось и в обществе, и в литературной жизни: конфликт на Украине, Крым, Донбасс, санкции, в некоторых странах даже успели смениться президенты... В нашей стране прошли друг за другом Год культуры, Год литературы, Год кино, оставив по себе много противоречивых впечатлений и мало собственно культуры, кино и литературы. Хотя есть и положительные результаты: книжный фестиваль «Красная площадь», например, стартовавший в 2015 году,

теперь ежегодно радует российских писателей, издателей и читателей. Проект действительно грандиозный.

Издательство «У Никитских ворот», так же как и большинство наших соотечественников, в полной мере ощутило последствия новых общественно-экономических реалий. Но парадоксально: чем сложнее оказывались условия развития издательского дела, тем плотнее становился творческий круг авторов, с которыми мы работаем. Как будто у литературной жизни появилось второе дыхание, новая, непреходящая энергия, стремящаяся получить воплощение. В эти четыре года мы много участвовали в международных книжных выставках и ярмарках, в России и за рубежом, и тенденция сохранялась: небывалый творческий подъем сопровождался живым читательским интересом. Несмотря на статистику, которая утверждает, что количество читающих сокращается, мы видели переполненные залы выставок, людей, по-настоящему любящих книгу и литературу.

Нам представляется, что, если и существует сегодня главная проблема в книжном мире, то это главным образом отсутствие у читателя полной информации о литературном процессе и, как следствие, ограничение свободы выбора. Ориентация на выкладки в книжных магазинах, литературные премии и навязчивую рекламу захватывает только узкую прослойку не всегда хорошей литературы, а определить качество текста с первого листа может далеко не каждый. Эту проблему мы и пытались решить, собрав в одном издании

литературные таланты самых разных жанров и направлений. И очень радостно, что нас поддержал наш давний партнер и информационный спонсор – «Литературная газета».

Одним словом, всё складывалось так, чтобы к концу 2017 года мы продолжили выпуск альманаха «У Никитских ворот». И состав авторов, и уровень произведений нового номера говорит о том, что решение было правильным: нам есть чем удивить читателей и, конечно, друг друга. Потому что не менее важно всем нам чувствовать, что мы принадлежим одному большому делу – Русской Литературе.

Мария Должкоеа

Альманах «У Никитских ворот» – это настоящая картина литературной реальности. Именно по альманаху наши потомки смогут судить, как билось сердце отечественной словесности, что волновало российских литераторов, какие послания они зашифровывали в своих текстах для будущего. «Литературная газета» считает это начинание своевременным и окажет информационную поддержку не только всему проекту, но и победителям конкурса на лучшую публикацию.

Корабль альманаха «У Никитских ворот» уже поднял паруса. Теперь хочется пожелать ему попутного ветра и бесконечного увлекательного плавания.

Максим Замшев

Прозаические меридианы

Наталия Воробьёва, Луко Палетак
Соната в четыре руки
(отрывок из романа)

Наталья Воробьева – актриса, поэт, переводчик, общественный деятель. Работала с такими мастерами кино, как Швейцер, Гайдай, Быков, Туров, Щукин. Всенародную известность и любовь получила после роли Элочки-людоедки в фильме Л. Гайдая «12 стульев». В 1973 выходит замуж за хорватского гражданина, становится Наталией Воробьевой-Хржич и переезжает в Хорватию. В 1991 году начинает писать стихи. В 1998 году в Москве выходит дебютный сборник стихотворений – «На канате бытия». На сегодняшний день в активе Наталии Воробьевой десять сборников поэзии и три книги прозы, многие из которых переведены на хорватский язык. Лауреат литературных премий, среди которых: международная премия «Поэзия» в номинации «Новое имя», золотая медаль имени Константина Симонова, золотая Есенинская медаль, золотая медаль лауреата международной литературной премии «Великая Россия. Имена», удостоена орденов Екатерины Великой II степени и Михаила Ломоносова на ленте. Член Союза писателей России и Хорватии, действительный член двух академий – Академии российской словесности и Славянской академии литературы и искусств.

Луко Палетак – хорватский писатель, переводчик, академик Хорватской академии наук и искусств; автор многочисленных книг в жанре поэзии, детской литературы, научных исследований, статей, эссе и антологий. Родился в 1943 году в Дубровнике, где и сейчас живет и работает. Изучал

хорватский и английский языки на философском факультете университета в Задаре, позже получил докторскую степень на факультете философии Загребского университета. Является постоянным членом Хорватской академии наук и искусств (HAZU), членом-корреспондентом Словенской Академии наук и искусств (SAZU) и многочисленных литературных обществ как в Хорватии, так и за рубежом. Лауреат международных премий.

5а

Затем ее мысли опять вернулись к нему, к тому, для которого она написала сказку. Свою дипломатическую карьеру он начинал точно так же, как и Виктор Николаевич, и так же случайно встретился на ее жизненном пути. Перекрестились пути-дорожки их судеб. Зачем? Кто знает! Просто так. «Скрещенье рук, скрещенье ног, судьбы скрещенье...» Вот и все.

Принято говорить: «Все пути ведут в Рим», – а ее пути вели в Москву. И несмотря на то, что она уже много лет жила в Загребе, прямо или косвенно она была связана с Москвой.

И он когда-то был на службе в Москве, работал в посольстве своей страны в том прекрасном городе, там начиналась его дипломатическая карьера, причем Москву он знал лучше, куда лучше, чем она.

– Я знаю в Москве каждый двор, каждую подворотню, – как-то обронил он.

«Да уж, – подумала она, – небось все подходящие места для тайников знает».

У него была великолепная память и необыкновенно хорошая реакция, она считала его наиболее быстро мыслящим из всех, кого она знала. Его трудно было назвать красавцем, но блестящий ум и ослепительный шарм делали его весьма привлекательным. А что касается его первых шагов по пути восхождения на дипломатический Олимп (ведь там живут только небожители, не так ли?), то в связи с этим хочется процитировать знаменитую фразу Генри Киссинджера, сказанную им тогда еще молодому и перспективному Владимиру Путину: «Все приличные люди вышли из тайных служб». А он был очень-очень приличным человеком, которому, впрочем, как и всем приличным людям, были свойственны маленькие слабости. Одной из таких слабостей была она.

У него была странная теория о викингах, пришедших на Киевскую Русь и женившихся на красивых русских девушках. Согласно той теории, она вела свое происхождение именно от тех самых викингов и русских девушек.

Он был своеобразен во всем. У него было обостренное обоняние, не менее обостренный слух; кроме того, он замечал то, что иной и под микроскопом не приметил бы. Одним словом, он не был похож ни на кого из тех, кого она знала. Ум, профессиональный успех, юмор и нежность, которую он

не стеснялся показывать, делали его необыкновенно привлекательным. В нем не было ничего бабского, этого неприятного свойства, присущего, к сожалению, многим современным мужчинам. Это была привлекательность интеллекта и шарма.

Нет точного определения тому, что есть шарм. Что значит быть шармантным? Как научиться этому? Сразу отвечу: научиться этому невозможно. С шармом так же, как и с фотогеничностью: он либо есть, либо его нет. Но если в случае фотогеничности только один глаз, пристальное око камеры влюбляется и начинает сходить с ума из-за редких счастливых случаев, то с шармом дело обстоит гораздо сложнее. Шарм – это магнетизм, поражающий внутреннюю оптику каждого из нас в отдельности. Этакий огонь на поражение. Но почему у одного он есть, а у другого его нет, этого никто не знает. Шарм – это талант, и как всякий талант – редок.

У него определенно был этот Божий дар, и он умел им пользоваться. На него совершенно было невозможно сердиться. И она, непримиримая и гордая, прощала ему многое: и частые исчезновения, и редкие появления, и затворническую жизнь в четырех стенах...

Он мог рассмешить ее, с ним ей было весело. Он то принимался танцевать, кружась по комнатам и подпрыгивая, как ребенок, то заливался визгливым собачьим лаем, после чего они оба просто умирали от хохота.

Они никогда не разговаривали о политике или, точнее

сказать, почти никогда. Однажды он обмолвился, что в следующий раз хотел бы поехать работать в одну из бывших республик Советского Союза, теперь уже самостоятельное государство, «развалить последний оплот страны Советов», как он выразился.

Она промолчала, ибо любила страну, где выросла. Спустя несколько лет после расставания она выступала на Международном конгрессе писателей русского зарубежья, проходившем в Москве, и говорила о своей бывшей стране.

«Впрочем, что же я тогда сказала?» – подумала она и выдвинула ящик своего секретера, где хранила документы и разные важные для нее бумаги.

Вот он, этот текст, всего полторы странички. Поэзия приучила ее сжимать мысли и отсеивать лишнее. Она погрузилась в чтение:

«Уважаемые коллеги, дамы и господа, добрый день!

Собираясь сюда, я довольно много думала о том, о чем буду здесь говорить. Разное приходило в голову. В конце концов я решила поделиться с вами своими размышлениями о том, каким образом атмосфера Хорватии, в которой я живу уже много лет, влияет на меня как на человека пишущего. Однако затем передумала, ибо эта тема показалась мне не совсем уместной из-за того, что у каждого из присутствующих здесь свои переживания, свое мироощущение и восприятие жизни за рубежом. Об этом мы еще успеем поговорить

за чашечкой кофе или бокалом шампанского в кулуарах.

Когда я приезжаю домой, а в последнее время я приезжаю сюда, слава Богу, часто, я пью только полусладкое шампанское, которое напоминает мне молодость, «Большой» и наши непритязательные в то время кафе.

Напоминает то далекое время и страна, под названием СССР. В той стране мы родились, пошли в школу, выросли. Вместе с ней праздновали 7 ноября, Первое мая, встречали Новый год. Там получили великолепное образование и были воспитаны на лучших примерах лучшей в мире литературы.

Не стану перечислять имен блистательных авторов, известных всему миру, Цех истинно русских писателей, для которых понятия ДОЛГ, ЧЕСТЬ, ПАТРИОТИЗМ и РОССИЯ были не только чем-то возвышенно-прекрасным, а воздухом, без которого невозможно было жить.

А мы с вами, непростительно юные, зачитывались и прекрасно изданными книжками наших классиков, и затрепанными от непрерывного употребления самиздатовскими копиями произведений тех, кто спустя годы хождения по мукам встанет в шеренгу лучших. Но это будет потом, а пока Советский Союз, сам того не ведая, выковывал новую породу людей. Те люди не продавались, не закладывали, не попадались на крючок заманчивых предложений и обещаний всяческих благ. Тщательно взращивала Советская держава в своих недрах «пятую колонну» негибаемых.

Пройдут годы, уйдут в небытие трехлетки, пятилетки, и

именно те люди скажут ему, Советскому Союзу: «НЕТ!»

Но право выбора у нас все-таки было: никто пистолет у виска не держал и смертью не запугивал. Я говорю об этом потому, что сегодня развелось невероятное количество так называемых героев. Просто не счесть жертв социализма. Они дают интервью, выступают по телевидению, рассказывая увлекательные истории о том, как были гонимы. А те, кто побывал в подобных ситуациях, молчат. Так же, как и вернувшиеся с фронта солдаты, которые, как правило, не рассказывают о пережитом.

Почему? Возможно, ответом на этот вопрос может послужить следующая мысль Фридриха Ницше: «МОЖНО ЖИТЬ БЕЗ ПАМЯТИ, НО НЕВОЗМОЖНО БЕЗ ЗАБВЕНИЯ».

Может быть, пришло, наконец, время предать забвению то, что и так уже ушло, перестать мучить себя и других, перестать плевать по своей Родине. Ибо у Советского Союза и сегодняшней России одно общее – наша с вами Родина. Другой у нас нет».

Она отложила текст своего выступления и задумалась: «Да, все правильно».

Она любила свою страну, и этому не могли помешать ни тщетные попытки органов завербовать ее, ни вытекающие из этого последствия. А последствия все-таки были.

Может быть, я никогда бы ее не встретил, если бы не знал Москву настолько хорошо. Все-таки надо было вновь встать на Красной площади и ждать, пока она в один прекрасный день не появится. И она появилась. Почувствовала зов этого города, глубокий и громкий, такой, как будто в небе над Москвой звонит Царь-колокол, звонит оттого, что ему так никогда и не удалось зазвонить. Все остальное произошло само собой. Моя рука – на ее колене, мои губы – на ее пальцах, все мое и все ее перемешалось, скрестилось и многократно пересеклось. Так должно было быть.

Думаю, ей нравился мой скитальческий московский дух, моя способность всюду находить для нас тайное пристанище. Из-за нее я стал красивее, хотя вообще-то не особенно хорош собой, и в этом мое преимущество. Меня нельзя обвинить в том, что я использую свою внешность для достижения каких-то целей. Больше всего мне нравилось, что с ней я никаких целей не имел. И тут я, видимо, ошибся: женщины любят высокие цели, такие, как в сказках. Перейти через семь рек и семь озер, принести волшебное яблоко с яблони, растущей на краю света – это всегда удается третьему, самому глупому брату, а я не глуп. Напротив. Сейчас мне нет хода назад: поздно. Не могу стать глупым третьим братом,

отправиться за девять гор и девять ДОЛ и принести яблоко, которое в результате окажется червивым. Сказка к тому моменту уже кончится, а сказочное время превратится в повседневное, обычное – то, в котором я сейчас живу.

Мне гораздо больше хотелось стать викингом. Мои далекие предки, переплывая из одной реки в другую, из одного озера в другое, попали в прекрасную страну Русь. Очарованные девушками с цветами калины в волосах, они остались с ними навсегда.

Она – их потомок. Короткие нежные записки я писал ей рунами. Гуляя по Старому Арбату, говорил, что отвезу в Ютландию, где мы построим большую ладью и поплывем на ней... Любая наша постель превращалась в ладью, любое событие – в сагу.

Как уже сказал, я не очень красив. Возможно, у меня есть шарм. Если так, то это точно не связано с тем глубинным «я», которое находится под пластами многих моих жизней. Некоторые из них иногда всплывают на поверхность, тогда, когда я меньше всего этого хотел бы, и показывают меня в таком свете, что потом это мне даже нравится. Я мгновенно вхожу в образ, предназначенный для моих сиюминутных потребностей, а затем без сожаления отбрасываю его и возвращаю на старое мрачное место.

Возможно, меня любит камера, но я ее не люблю. Обитающие в далеких лесах племена правы: камера крадет твою душу. У меня она могла бы отнять и большее – жизнь. Она

опаснее любого оружия. Ее камера любит, точнее, ее любит то мрачное, что присуще камере. Это – ее темнота, задняя стенка, которая все отражает вниз головой, потому что это единственный способ показать истинное положение вещей. Я пришел к такому выводу потому, что часто глядел на нее как бы в объектив кинокамеры. Она всегда ускользала, но не из камеры вовсе, а как раз в нее, в самое ее средоточие, в эту погруженную во тьму сердцевину.

Особенно ненавижу я вспышку. Она смывает с лица все, оставляя лишь голую ранимую кожу без прекрасных защитных морщин. У меня было множество ее фотографий, но я их уничтожил. Потому что они уничтожали ее реальный образ – тот единственный, который я люблю, тот самый, который я не знаю, тот самый, который я, в сущности, никогда не видел.

Я не хотел быть не таким, как другие. Другие были не такими, как я. Я этого не замечал, но замечали женщины. Я скрывал свою нежную сторону, но она проявлялась сама собой в самые неожиданные моменты. Я всегда мог сказать: «Это случайно, это не моя вина. Ты меня расслабила, с тобой я как воск, а вообще-то я крут, строг и серьезен. Мое чувство юмора, если можно так выразиться, основано на намеке, на ассоциации, а смех неизменно отдает грустью».

Я не был лживым: этого я не выношу. Знал, что это ей во мне особенно нравится, умел хорошо оценивать ситуацию и всегда мог угадать, что прикрывают ее упрямые длинные

ресницы. Я старался, чтобы со мной у нее на душе было светло.

И даже сейчас, когда ее со мной нет, я по ночам, когда не могу заснуть и бессмысленно смотрю в потолок, стараюсь сказать что-то, от чего она, сама не понимая почему, вздрогнет, зажжет свет и на миг глянет на другую половину своей кровати, загадочно улыбнется, а потом сразу крепко заснет. Может, я даже завою из-за нее.

У-у-у-у-у-у! Завою, как волк. Она – одна из тех, кто умеет общаться с волками, она – Ла Лоба. Когда ночью уличный фонарь бросает на нее свет, у тени, которую она отбрасывает, ноги волчицы.

«У нас нет будущего», – она сказала. Да. Что это было: страх от духовной и физической близости или страх связать себя? Не знаю. Это конец. Нет, думаю, что нет. Знаю: она ждет, что я брошусь за линию горизонта. Я сделаю это так, как сделаю и то, что пообещал ей невзначай, между прочим, словно в шутку: разрушу последний бастион... Возможно, это ее и напугало, но в таком случае ей следовало бы ни на шаг не отходить от меня. Она чувствует огромную тягу к бескрайним просторам, и что-то в ней кричит: «Не сейчас! Не сейчас!» Она нуждается в огромном пространстве своего Отечества. Здесь, на этом пространстве, я и потерпел поражение. Я хотел, чтобы нашим пространством стала бесконечная анфилада наших комнат, соединенных в одну. Поэтому так велика ее гостиная со множеством временных зон, и це-

лый час, проведенный в одной из них, длится в другой всего несколько минут.

Не знаю, зачем я сказал ей, что хотел бы разрушить последний бастион Союза. Его разрушил не я. Я уничтожил НАШ союз. Сейчас нет радуги, чтобы его восстановить, сейчас она в своем ковчеге. Взяла с собой всех своих животных – и ручных (домашних), и опасных, к которым принадлежит сама, рыб летающих и птиц плавающих, улиток, питающихся одними только черными розами, и журавлей, которые летят с края разбитой тарелки по законам поэзии хайку. Она плывет в своем ковчеге и ждет, когда прекратится дождь, когда появится радуга где-то наверху над Москвой, когда ее напишет Рублев, а бурлаки с Волги дотащат до стен Кремля.

Мне пересказали ее выступление на Международном Конгрессе писателей русского зарубежья. Я не удивился. Такие понятия, как Честь, Долг, Патриотизм, Родина, для меня просто понятия, козырные карты дипломатической игры в покер с открытыми или закрытыми картами. Я даже не хочу знать, что они означают для меня лично, потому что такое знание обязывает. Какую-то связь между собой и ними я устанавливаю лишь в моменты крайнего одиночества или подавленности, потерянности в каких-то зазорах между пространствами, где больше нет места для маневра. Тогда они становятся моим убежищем и я чувствую себя лучше, порядочнее, обладающим честью, связанным со своей страной, каким я бываю тогда, когда меня не вынуждают забывать,

что я такой же и таким останусь. Для нее эти понятия нечто совсем другое: они – составные элементы ее самой, ее основополагающие принципы.

Мне кажется, она все-таки должна была бы сказать и о том, как та страна, где она сейчас живет, повлияла на нее, а она очень повлияла. Она ее смягчила, пробудила стихи, открыла в ней потайные ящички, а также тот канал связи, тот тайный проход, который, возможно, остался бы закрытым и по которому и мне удавалось иногда пробираться, как по одесским катакомбам. Открываю ее самиздатовский экземпляр Цветаевой: «Нам улыбнутся старческие очи. Мои». Я читаю его как священную книгу ее молодости. Сажусь на то же место в Большом театре: белый лебедь превращается в черного, черный – в белого, и так постоянно. Озеро выходит из берегов, растекается по сцене, заполняет зрительный зал и течет по Тверской. У него вкус полусладкого шампанского – того самого, что пьет она. Того самого, что всегда пили мы, и которое вновь и вновь вызывает жажду.

Она выросла под светом ярко-красной Кремлевской звезды, праздновала Первое мая, носила красную гвоздику в своих непокорных волосах, росла вместе с теми, которые никогда не забывали сказать «нет», потому что в нужный момент отказывались сказать «да», ибо знали, что радуга над Москвой однажды заключит союз с ними именно потому, что они никогда ничего не забыли.

Забудет ли она меня? Не забудет, если продолжит придер-

живаться любимой ею мысли Ницше. Ведь я – тоже ее Родина, такая же безграничная, такая же заметенная снегами, что тают весной, и реками, которые зимой замерзают для того, чтобы можно было перейти с одного берега на другой.

Есть ли у нее другой? У меня другой нет. И даже когда есть, у меня есть лишь она. Это не может остаться без последствий. Не может! Нет! Никогда!!!

6

После первого снятого фильма к ней пришла сумасшедшая популярность. Ее узнавали на улице, в метро, в кафе, она давала бесконечные автографы, в то время как письма ее поклонников, мешками приходившие на «Мосфильм», аккуратноейшим образом складывались в картонные коробки и выбрасывались, а критики подчас забывали упомянуть ее имя в своих «критических разборках».

Не вышла на развороте журнала «Экран» уже готовая статья о ней с ее фотографией на обложке. И уж, конечно, она не снялась ни в одном из фильмов совместного производства, не поехала ни на один из фестивалей, но ее не преследовали, ей не угрожали.

Невольно в голову пришли слова Гертруды Стайн, послужившие эпиграфом к роману Хемингуэя «Фиеста»: «Молодежь не бывает ни плоха, ни хороша, она такова, каково время, в которое она живет».

Она подумала о том, что вполне было бы можно перефразировать это мудрое изречение, заменив слово «молодежь» другим – «люди». Права, ох, как права была американская писательница! Конечно, все и всегда зависит от времени. Это были 70-е годы – торжество брежневской эпохи со всеми вытекающими из этого факта последствиями, опасное и жестокое время.

Она не затаила обиды на контору, возможно, отчасти потому, что никогда не стремилась стать актрисой. Да, она очень хотела поступить в ГИТИС, но на другой факультет – театроведческий.

Она ходила по театрам, смотрела спектакли, записывала свои впечатления от увиденного. Ей хотелось стать театроведом, но судьба распорядилась по-иному.

В тот день она отправилась в институт, чтобы разузнать о сроках вступительных экзаменов. Перед входом в здание ГИТИСа у нее на босоножке расстегнулся ремешок и она несколько минут провозилась с ним.

Войдя в холл института, она чуть не столкнулась с высоким, импозантным человеком, вышедшим из дверей, на которых красовалась строгая табличка «Деканат». Этот человек походил на огромного льва с роскошной седой гривой, небрежно заброшенной назад.

Лев-человек внимательно осмотрел ее, а затем, дружески подмигнув, спросил:

– Ну что, на актерский пришла поступать?

– Да нет, – вздохнула она, – на театроведческий.

Он улыбнулся, а затем заговорщическим тоном произнес:

– Слушай, на театроведческий экзамены на месяц позже, чем на актерский. Выглядишь ты как характерная актриса. Попробуй! Может, получится?

И, не попрощавшись, исчез. Она осталась одна в пустом холле, только двери деканата напротив были открыты. Она подошла к ним и осторожно постучала о косяк.

– Войдите, – раздался чей-то зычный голос.

Она вошла и увидела двух пожилых женщин, сидевших за своими столами.

– Извините, пожалуйста, – робко обратилась она к ним, – вы случайно не знаете, кто этот высокий человек, который только что отсюда вышел?

– Милочка! – возмутилась одна из них. – Это же Андрей Александрович Гончаров! Художественный руководитель Московского академического театра Маяковского. Гончаров – легенда.

И теперь уже не мама, мечтавшая видеть свою дочь актрисой, а сам Андрей Гончаров советовал ей попробовать.

И она попробовала. Никогда в своей жизни она не участвовала в работе каких бы то ни было драмкружков или секций чтецов. Пришлось взять репетитора. Днями она ходила к нему на занятия, готовила басню Крылова «Две собаки», отрывок из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила» и роль Любки Шевцовой из «Молодой гвардии» Фадеева.

Она с легкостью прошла два тура, а на третьем чуть не провалилась. Спасла басня. Она и в самом деле впоследствии стала характерной актрисой, что сразу почувствовал в ней опытный Гончаров.

Тот самый Андрей Гончаров, в мгновение ока решивший ее судьбу, тот, о моральном облике которого ее, юную студентку, будут расспрашивать в органах два с половиной года спустя... Какая нелепость!

Она опять задумалась. Думала о том, что не бывает случайностей в жизни, нет, не бывает. Не отстегнись ремешок на ее босоножке в тот час – и ее судьба сложилась бы иначе. И не пришлось бы делать круг длиною в тридцать лет, чтобы все равно писать. Но так или иначе, театральной критикой она не занималась, ее стихией стали стихи. После выхода в свет ее автобиографических рассказов, друзья уговаривали ее писать прозу, но она отмахивалась, не считая свою жизнь столь увлекательной, чтобы вновь копаться в прошлом, выставляя прожитое на всеобщее обозрение.

Или, может быть, она слегка лукавила? По чисто актерской привычке она воспринимала окружающую действительность кинематографически, словно на широком полотне экрана кадр за кадром проходила ее жизнь. Вот она на дипломатическом приеме, вот – на презентации своей новой книжки, вот ей вручают награду...

Почему-то ее киносознание выхватывало из прожитого лишь хорошее и радостное, словно плохого и не было вовсе.

И ей казалось, что когда она уйдет туда, совсем уйдет, и ей покажут фильм о ее жизни, она подумает: «Какую увлекательную жизнь я прожила!» – будто это роман, главной героиней которого была она сама.

И опять она в мыслях вернулась к нему. Как ему сейчас там, в одной из бывших советских республик, которую он твердо решил наставить на путь истинный?

Она улыбнулась: «Прагматичный Маленький котенок, не то чтобы меркантильный, но очень расчетливый. Это последствия детства, проведенного в крайней бедности с земляным полом в доме».

Его скромное происхождение никоим образом не угадывалось в фигуре умного обаятельного карьерного дипломата с безупречными манерами, но человеческая психика – совсем иная статья. Здесь дело обстояло гораздо сложнее. Страх потерять все и вернуться в столь мерзкую нищету остался у него навсегда. Поэтому рассчитать накопленное он стремится на много лет вперед.

Он был упрям, в его интонациях зачастую проскальзывали диктаторские нотки, свое собственное мнение он считал единым верным, а с другими мнениями не считался. И даже своему министру иностранных дел он подчас дерзил с презрительной миной и выражением оскорбленного достоинства на гордом лице, что, конечно, не проходило незамеченным и нередко вызывало неприятные для гордеца последствия.

Но он, баловень судьбы, всегда выходил сухим из воды, что его вновь и вновь укрепляло в уверенности собственной и единособственной правоты.

Обращаясь к ней, он обычно прибегал к повелительному наклонению: «Ты должна... Я считаю... Я думаю, для тебя было бы лучше...»

А ей и так было хорошо, и не надо было «лучше». Она жалела его, а может быть, любила? Недаром на Руси испокон веков слова «ЛЮБИТЬ» и «ЖАЛЕТЬ» – равнозначны.

Ей было жаль его потому, что детства у него практически не было, а были только голод и истошный крик: «Я кушать хочу!»

Если верить тому, что характер человека формируется до четырехлетнего возраста, что именно до этого времени закладывается фундамент всей последующей жизни, то стремление к накопительству в его случае было оправданным, а страх от нищеты остался навсегда. Голодное детство давало о себе знать.

ба

Однажды я попросил у нее автограф и сказал:

– Всем раздаешь, а я стою в очереди и жду.

– Я тебе его уже дала, просто в другом виде, – ответила она. – Если поищешь, ты его найдешь в себе, в тех своих уголках, про которые ты забыл.

Я прочел множество писем ее поклонников тайком от нее. Знал, что ей это было бы неприятно. Я вложил в эту грудку и одно свое письмо. Дату поставил гораздо более раннюю. Написал ей, что моя жизнь переменилась с тех пор, как я сто раз посмотрел ее фильм. Она очень смеялась, когда однажды случайно наткнулась на это письмо, а потом расплакалась. Я знал, что заставляло ее грустить: молчание критики, которая игнорировала даже само ее имя, хотя зрители ее обожали.

Этого можно было ждать. Она была красивой самоуверенной девчонкой, никуда не вписывавшейся. Другие вместо нее ездили за границу, шагали по красной ковровой дорожке, снимались в фильмах вместе с зарубежными звездами. У нее был свой ковер – самый великолепный из всех, самый красный, у нее было свое созвездие. Потом, может быть, слишком поздно, она обрела, получила меня.

Во мне говорит тщеславие, но и тщеславие имеет право на слово. Я хотел заменить ей все эти поездки, фестивали, фильмы, в которых она не снялась. Я придумывал для них сценарии, был их продюсером, но режиссером была она. Точно знаю: она всегда хотела им быть. А может, драматургом? Сейчас уже не помню. Я имею в виду то, что она хотела поступать на сценарный. Может, потому, что руководить вымышленными жизнями других ей нравилось больше, чем своей собственной, реальной, хотя она ею руководила, причем блестяще, и моей тоже. В фильмах, которые я придумывал для нее, мы с ней оказывались единственными актера-

ми. Это был бесконечный, в буквальном смысле слова, полнометражный фильм о нас. Я знал, почему у Хемингуэя она подчеркнула именно ту его мысль. Как раз поэтому мне хотелось, чтобы мы с ней жили вне времени.

Это была опасная игра. Время проникало во всевозможные отверстия, щели, прорези, трещины, хитро притворяясь, что оно просто проходит. На деле же было жестоким и беспощадным, стремящимся на всем оставить свои следы, но не мягкие, благородные следы старения, покрывающие лицо сеткой спасительных морщин, которые не в состоянии смыть никакая вспышка фотоаппарата, нет, не такие, а те, опасные и губительные, которые льют гипс человеческой души в свои формы, делают из людей фигурки, дешевые сувениры, продающиеся на ярмарках.

Во всем играет свою роль Господин Великий Случай. В ее случае он был с огромной седой львиной головой. Его рык заставил ее пойти на актерский. Лев сразу узнал свою добычу, оставалось только осветить ее светом рефлекторов. Это был не просто лев, его джунглями был Театр имени Владимира Маяковского.

В нашем случае никаких случаев не было. Мы сами были случаем. Мы его создали так же, как и свой театр. Сейчас мы доиграли до конца доверенные нам роли, занавес опустился, но никаких аплодисментов не слышно. Может, кто-то и плачет, где-то в последнем ряду или на галерке. Царит тишина, как и сейчас, когда я это пишу. Нарушает ее только

та несчастная пианистка звуками еще более несчастной мелодии «К Элизе» самого несчастного из всех нас – Людвига Ван Бетховена. И лай какого-то пса, который мне, в сущности, не мешает. Он зовет другую собаку, как в той басне, которую она приготовила для вступительного экзамена в театральный институт. Я часто просил ее прочесть ту басню, точнее, показать, сыграть, изобразить.

Я снова залаял в гулкую ночную пустоту своей комнаты. Пес отозвался. Это называется дипломатия. Я открыл свой старый, потрепанный томик стихов Маяковского, точнее, он сам открылся. Читаю: «Слава, слава, слава героям!.. Теперь поговорим о дряни... И вечером та или иная мразь, на жену, за пианином обучающуюся глядя...» Несчастливая «К Элизе»!

Об этом льве ее потом допрашивали в той самой клетке. Затем клетка развалилась, по крайней мере, так это выглядело, а виной всему оказался ремешок на ее босоножке. Сколько же всего может зависеть от одного только ремешка на женской босоножке? Мне кажется, что сейчас и я от него завишу, мне хотелось снять об этом короткий документальный фильм, просто для собственного удовольствия, но не снял. Она больше никогда не носила такие босоножки, чаще всего она подбегала ко мне босой и прыгала в объятия. Я начинал целовать ее всю, от маленьких мизинцев, раз уж не мог делать этого раньше – «от молодых ногтей». В то время она бы не полюбила меня.

В отрочестве я не был привлекательным, как, впрочем, и

сейчас. Об этом я уже говорил, но тогда, мне кажется, я был просто некрасивым.

– Ты не умеешь целоваться, – сказала мне одна слюнвявая девчонка, жившая по соседству, когда я прижался губами к ее щеке, держа в руке несколько только что сорванных зрелых черешен. – И у тебя полно прыщей, – оттолкнула она меня.

– Иди поцелуйся с этим болваном, которому мамаша прилизывает волосы сахарной водичкой, – сказал я и бросил черешни на землю.

Не люблю вспоминать детство. Мне бы хотелось, чтобы я сразу стал тем, кем я стал, чтобы сразу встретил ее, а потом, уже вместе с ней, постепенно возвращался бы в детство, создавая его вместе с ней и складывая из самых прекрасных моментов – дней, когда на вербах распускаются первые пушистые сережки, поляны становятся желтыми от весенних первоцветов, а в воздухе и ее волосах начинает гулять ветер, от которого леса покрываются листьями. Она же, наоборот, всегда охотно возвращалась в детство. Я сказал ей как-то: «Ты должна начать писать о своей жизни». Возможно, так оно и будет, и именно сейчас она этим и занимается.

Мне бы не хотелось, чтобы она упоминала обо мне. Ей бы так было легче, а мне удобнее. Однако, думается мне, так у нее ничего не получится, и придется ей все-таки вспомнить обо мне. Льстит ли мне это? Да.

– Неинтересных жизней нет, есть просто плохие писате-

ли, так же как есть плохие актеры, плохие повара, плохие мужья...

– И плохие политики, – добавила она.

– Самые плохие – самые лучшие, – ответил я, улыбнувшись.

Если она меня и упомянет, то под каким-нибудь другим именем, чтобы замаскировать, иначе многие сразу поймут, о ком речь. Тут я бессилён. Знаю, ничего плохого она обо мне не напишет. Ее мир функционирует по законам кино, он состоит из красивых кадров, для нее не существует ничего безобразного, я могу не опасаться. Более того, мне даже приятно, что в фильме о ее жизни я сыграю приукрашенную роль. Возможно, я это и заслужил. Да, заслужил: ведь я любил ее.

Я знаю, что сейчас она думает обо мне, пытается представить меня в той далекой бывшей советской республике, которая упорно сопротивляется моим усилиям вывести ее на правильную дорогу. «Выхожу один я на дорогу...» Помню, как-то раз по дороге в Тулу я пел ей этот романс своим вполне приличным баритоном. В Тулу с самоваром не едут, это точно. Не знаю, что я здесь делаю. Мне бы самое время сейчас вернуться. К кому? К ней? К себе? Куда? Я не могу вернуться в тот жалкий дом моего детства с земляным полом, под крышу, где мерцает лампадка и горит восковая свеча, а лик с иконы в углу комнаты смотрит на меня печально. По правде сказать, даже и не смотрит, а отводит глаза, словно избегая встретиться взглядом, стыдясь этой нищеты. Этот

лик, закопченный, изображенный рукой местного грешного мастера и краской, в которой алкоголя было больше, чем всего остального, все же не утратил того святого, что в нем было. Он из сострадания остался здесь, чтобы делить с нами нашу бедность и голод.

Во сне я часто возвращаюсь в тот дом моего детства. Сначала чувствую некую нежность, а потом меня охватывает страх, ужас, паника. Просыпаюсь в поту и потом долго не могу заснуть, чувствуя на себе печальный милосердный взгляд с иконы, который сейчас уже не стремится избежать моего взгляда, а ищет его, но теперь взгляд отвожу я.

Я всегда точно знал, что должен делать, и всегда решительно говорил себе: «Самое лучшее для тебя – это...» Так же я поступал и с ней. Она не любила этот мой тон, он казался ей деспотическим. Я не обращал на это внимания. Это я такой. Я считал, что у меня в резерве достаточный запас нежности, чтобы потом все загладить. «Лучше» означало для нее перемену, а ей нравится, чтобы все оставалось по-прежнему, чтобы все уместилось в долгий счастливый кадр, зафиксированный неподвижной кинокамерой, чтобы все было хорошо, хорошо и – не более того. Может быть, из-за этого она меня и любила. Для нее перестать любить меня означало бы перемену, перемену к лучшему, а ей со мной было хорошо. Я это знаю – хорошо, и не более того; и мне было хорошо, однако я хотел большего. Всегда и во всем. Мне хотелось большего.

Мой голод неутолим. Я этого не стыжусь, я этого боюсь.

Этот страх – мой хребет. Когда бы я ни говорил ей: «Сейчас я тебя съем», – это оказывалось не только метафорой, однако в действительности она съела меня. Я – ее лакомый кусочек, им я был, и им я... Это так?..

Ирина Иванцова

Вечное

Иванцова Ирина Владимировна родилась и живет в городе Пушкино Московской области. Окончила МГОПУ им. Шолохова, филологический факультет. Работает учителем русского языка и литературы в средней школе г. Пушкино.

Вечное

Ничто не вечно... Все умирает, становится пеплом: великие люди, гениальные произведения искусства; сметаются царства, гибнут империи, сходят в небытие злодеи и праведники, стирается даже истинная память, подменяясь удобными фактами, выстроенными в угодном для кого-то порядке.

И только слово вечно. Сказанное, оно живет в преданиях, пронзает время, мчится, трепещет, вырывается из рук тех, кто пытается его убить, замалчивая и искажая, – и взмывает знаменем над головами людскими, над суетным. За правду, за истину.

Слово вечно в сердце человечьем, пока жив человек, вечно в душе его, когда поднимается она в небеса.

Это то единственное, что уносим мы в мир иной. Прекрасное, нетленное богатство.

Об искусстве

1. Искусство – это попытка человека потягаться со смертью.

2. Искусство не сводится к правилам, как и жизнь не сводится к правилам.

Жизнь

Иногда пять дней – вся жизнь, а иногда вся жизнь – пустое зернышко.

Вера

Человеку порой трудно верить в Бога. Наша вера зачастую становится какой-то эстетской. И мы говорим Создателю: «Ну, давай, соверши чудо, прояви себя, убеди меня в своем существовании. Я поверю, если Ты меня очаруешь».

А может, на самом деле надо всего лишь упасть в веру, как на последнем шаге усталости, в изнеможении; как падаем в очарование от событий и людей; как падаем в объятия в желании любви?

Человек мира

Много лет назад мне нравилось это словосочетание «человек мира». В моем уме оно звучало как-то особенно, торжественно и возвышенно, словно органная музыка.

Мне представлялся человек, который едет куда хочет, живет где вздумается. Его везде ждут и ценят. Он везде свой.

И вот, уезжая в Москву из Углича и обнимая Олю, которая

тоже обнимает меня, чуть не плача, провожая, как родную, я поняла, что способна чувствовать только этих людей, что я часть этого народа и больше никакого на земле.

Понимаю, что глобализация лишает нас национальной идентичности, когда «человек мира», взглянув в окно, не может различить, это небоскребы Нью-Йорка, Пекина или Москвы-Сити. Да и неважно это все для него.

Глобализация лишает нас Родины.

Остановка

Он выплыл из проулка тихо и почти незаметно. Маленький, худенький, в черной куртешке с накинутым на голову капюшоном – обыкновенный мальчик.

– Вы 16-й ждете? – спросил он, глядя снизу вверх.

– Да, – ответила она, ставя на землю сумку, набитую продуктами.

– А вы в новый район едете?

– Да, а ты?

– А я друга жду. У меня друг в новом районе живет.

– Хорошо. Вы с ним, наверное, в одном классе учитесь?

– Да, а как вы узнали?

– Догадалась.

– О! Какая вы.

– А то. Я такая, – засмеялась она. – А вы во втором или третьем учитесь?

– Во втором.

– Ясно.

Постояли. Помолчали.

– А я туда, в новый район, к другу часто хожу. А ща он ко мне едет.

– И тебя туда одного отпускают? Ведь далеко же?

– Конечно, отпускают. Только я не тут, а по Институтской улице хожу. Тут близко, всего пять минут.

– Да нет, здесь не пять. Если быстро, то двадцать минут идти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.